

**ДВА МЕСТА СЛУЖБЫ АЛЕКСАНДРА БЕЗАКА:
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР КАК «ЭТНОАДМИНИСТРАТОР»
ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ИСТОРИОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)**

Аннотация. В статье освещена функция генерал-губернаторов полиэтнических регионов Российской империи. Исходной точкой статьи послужил факт службы государственного деятеля А.П. Безака (1800–1868) на посту генерал-губернатора в двух регионах: с 1860 по 1865 гг. – в Оренбургском крае, с 1865 по 1868 гг. – на Правобережной Украине. На основании анализа историографии, посвященной роли генерал-губернаторов в целом, национальной политике в западных губерниях и управлению Оренбургским и Башкирским краем, сделан вывод о том, что генерал-губернаторы в западных губерниях и Оренбургском крае исполняли роль «этноадминистраторов» – проводников национальной политики, которая заключалась в обеспечении контроля над нерусскими народами.

Ключевые слова: генерал-губернатор, национальная политика, Оренбургский край, западные губернии, Правобережная Украина.

Российская империя была необычайно разнообразной по фактическому положению и юридическому статусу отдельных регионов, что влияло на осуществление государственного управления. Важным фактором внутренней политики был этнический состав населения, который мог во многом определять действия генерал-губернаторов и губернаторов на территориях вне Центральной России.

Неординарным обстоятельством была служба государственного деятеля Александра Павловича Безака (1800–1868) на должности генерал-губернатора в двух отдаленных друг от друга, этнически неоднородных регионах: с 1860 по 1865 гг. – в качестве оренбургского и самарского генерал-губернатора, с 1865 по 1868 гг. – киевского, подольского и волынского генерал-губернатора.

Пребывание А.П. Безака во главе двух регионов ставит перед исследователями проблему функций генерал-губернаторов в полиэтнических регионах. Для решения данной проблемы сформулируем следующие задачи исследования: 1) определить в общем виде роль генерал-губернаторов в Российской империи; 2) рассмотреть основные направления деятельности местной администрации в западных губерниях Российской империи, в первую очередь – в губерниях Правобережной Украины; 3) определить направления деятельности генерал-губернаторов в Оренбургском крае.

Проблему неоднородности имперской России, с точки зрения государственного управления и роли в нем генерал-губернаторов, рассмотрел в своей статье японский славист Кимитака Мацузато, уделив основное внимание периоду второй половины XIX в. Исследователь выделил «внутренние губернии», к которым относились 4 «макрорегиона»: Центральная Россия (в терминологии автора: «бывшая территория Московского государства»), Урало-Поволжье, Малороссия (Левобережная и Слободская Украины) и Новороссия (Южная Украина и Крым), в которых к концу XIX в. были ликвидированы генерал-губернаторства (кроме «представительского» Московского генерал-губернаторства) и которые к тому времени не имели принципиальных – с административной точки зрения – отличий от Центральной России, даже при этноконфессиональной неоднородности этих

* ГАУХМАН Михаил Владимирович — кандидат исторических наук; Национальный музей Республики Башкортостан; научный сотрудник; г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия; mix-mix-mix@mail.ru.

территорий¹.

Анализ политики генерал-губернаторов в остальных регионах (кроме «специфических» Царства Польского и Великого княжества Финляндского) привел К. Мацузато к выводу о разделении генерал-губернаторств на две группы. На территории генерал-губернаторств первой группы – в западных губерниях, охватывавших Правобережную Украину, Литву и Беларусь, и на Северном Кавказе – проводилась политика «этнобонапартизма», которая заключалась в негативной дискриминации (ослаблении влияния) одних и дискриминации позитивной (усилении позиций) в отношении других этнических групп, а также в рассмотрении практически всех административных вопросов через призму этнополитики. В генерал-губернаторствах второй группы – на территории Сибири, Дальнего Востока, в Средней Азии и Новороссии (до упразднения Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства в 1874 г.) – проводилась политика хозяйственного освоения, и даже вопросы этнополитики рассматривались с хозяйственной точки зрения². Однако отнесение к «внутренним губерниям» Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства (с 1865 г. – Оренбургского), существовавшего с 1851 по 1874 гг., считаем невозможным, в виду его «военизированного» характера, о чем пойдет речь ниже.

Институту генерал-губернаторов и функционированию генерал-губернаторств на территории Украины, в т. ч. киевского генерал-губернаторства, посвящена монография украинского историка Валентины Шандры³. В одном из разделов работы в исторической динамике освещено формирование административных функций генерал-губернаторов, как наделенных чрезвычайными полномочиями и все более полновластных чиновников, соединяющих в своих руках гражданские и военные функции⁴. Историк подчеркнула значение генерал-губернаторств для унификации политического пространства, достижения компромисса с лояльными или ведения противостояния с нелояльными – с точки зрения властей – провинциальными элитами⁵.

Следующим вопросом является выяснение основных задач административной деятельности в западных губерниях Империи Романовых. Под «западными губерниями» в историографии понимают территории бывшей Речи Посполитой вне «коренной» Польши (Царства Польского / Привисленского края), которые отошли к Российской империи по итогам разделов 1772–1795 гг. Западные губернии, как говорилось выше, занимали территории современных Литвы, Беларуси и Правобережной Украины. Этот макрорегион характеризовался наличием относительно немногочисленного, но влиятельного и состоятельного слоя польской аристократии (шляхты), которая после Ноябрьского восстания 1830–1831 и, в еще большей мере, после Январского восстания 1863–1864 гг., рассматривалась властями как антироссийская сила.

Историография национальной политики Российской империи в западных губерниях довольно обширна, что позволяет охарактеризовать задачи генерал-губернаторов на основании анализа основных работ по данной тематике. Национальная политика Российской империи в Царстве Польском и западных губерниях довольно подробно рассмотрена в коллективной монографии «Западные окраины Российской империи»⁶. Так, одна из глав книги освещает национальную политику в первые годы после Январского восстания, когда местная администрация настойчиво проводила в жизнь

¹ Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С. 432–433.

² Там же. С. 448–454.

³ См.: Шандра В.С. Генерал-губернаторства в Україні. К., 2005.

⁴ Шандра В.С. Указ. соч. С. 47–79.

⁵ Там же. С. 3–4, 371–373.

⁶ См.: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 63–426.

антипольские меры¹.

Важнейшие работы по теме принадлежат авторству французского историка Даниэля Бовуа, исследовавшего имперскую политику в «треугольнике» русско-польско-украинских отношений на Правобережной Украине с конца XVIII до начала XX вв.² В частности, Д. Бовуа детально показал деятельность А. Безака, как борца с влиянием польской аристократии, усилия которого были направлены на сокращение землевладения польской аристократии и конфискацию крупных имений участников Январского восстания³, а также проведение земельной реформы, позволившей увеличить землевладение украинских крестьян за счет польских помещиков⁴, в то время как в «остальной» империи эта реформа привела к сокращению крестьянского землевладения.

Одним из шагов в концептуальных поисках упомянутого К. Мацузато стало исследование национальной политики на Правобережной Украине, как частного случая «этнобонапартизма». В своем эссе по истории региона он продемонстрировал сложность «этнобонапартизма» в полиэтнических (и поликонфессиональных) регионах, управление которыми не следует рассматривать в парадигме «тюрьмы народов» и противостояния между имперской властью и нерусскими народами⁵. В частности, как указывает автор о Правобережье, государственная политика в регионе имела дискриминационный характер по отношению к «чужим» – полякам и евреям, а украинцы (с официальной точки зрения – «малороссы») рассматривались как «свои»⁶. Однако, как подчеркивает ученый, чем энергичней проводилась подобная политика, тем все более усиливалась украинская национальная идентичность, в итоге ставшая проблемой для властей⁷.

Различным аспектам национальной политики и межнациональных отношений на Правобережной Украине посвящены обобщающие труды украинских историков: например, монография Надежды Щербак, в которой рассмотрены действия местной администрации по отношению к еврейскому и польскому населению региона, а также украинской интеллигенции, как национальной элите⁸; монография Юрия Полищука об этнополитике в отношении неукраинского населения Правобережья⁹; вышеупомянутая книга В. Шандры, посвященная истории генерал-губернаторств на территории Надднепрянской Украины и Бессарабии. В частности, исследовательница уделила внимание деятельности А.П. Безака на посту киевского генерал-губернатора, в контексте наступления властей на позиции польской аристократии региона после подавления Январского восстания¹⁰.

Краткий обзор основных исследований по национальной политике Российской империи в западных губерниях и, в первую очередь, на Правобережной Украине позволяет сделать вывод о том, что генерал-губернаторы на этих территориях были

¹ Западные окраины Российской империи. С. 207–258.

² Монографии трилогии – «Российская власть и польская шляхта в Украине: 1793–1830», «Шляхтич, крепостной и ревизор: польская шляхта между царизмом и украинскими массами, 1831–1863» и «Битва за землю в Украине. Поляки в социэтнических конфликтах, 1863–1914» – в русском переводе были объединены под общим заглавием: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.

³ Там же. С. 578–582.

⁴ Там же. С. 638–640.

⁵ Мацузато К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX в. // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 127–129.

⁶ Там же. С. 131–133.

⁷ Там же. С. 142–143.

⁸ См.: Щербак Н.О. Національне питання в політиці царизму у Правобережній Україні (кінець XVIII – початок XX століття). К., 2005.

⁹ См.: Полищук Ю.М. Національні меншини Правобережжя України у контексті етнічної політики Російської імперії (кінець XVIII – початок XX ст.). К., 2012.

¹⁰ Шандра В.С. Указ. соч. С. 299–304.

призваны проводить целенаправленный политический курс на ослабление польского влияния в условиях русско-польско-украинского «треугольника» и наличия других нерусских этнических групп. Причем практически все действия генерал-губернатора были направлены на указанную «этнобонапартистскую» цель и, при этом, лавирование между этническими/конфессиональными и сословными группами и интересами. Средствами достижения цели были: сокращение землевладения польской шляхты, установление контроля над деятельностью Римско-католической церкви, поддержка украинских крестьян, которые в глазах представителей власти являлись «малороссами» – этнографической группой русского народа, чешских и – до начала XX в. – немецких колонистов. Кроме этого, одним из направлений «этнобонапартизма» был еврейский вопрос.

Особенностями периода пребывания А. Безака в должности киевского генерал-губернатора было проведение им активного дискриминационного курса против польской аристократии и осуществление крестьянской реформы в пользу украинских крестьян. Угрозой польских восстаний и их распространения за пределами Царства Польского можно объяснить совмещение Безаком постов генерал-губернатора и командующего войсками Киевского военного округа.

Перейдем к стратегическим задачам администраторов Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства. Генерал-губернаторство было образовано относительно поздно – в 1851 г., и объединило несколько различных по этноконфессиональному составу и военному назначению местностей: 1) преимущественно русские территории Самарской губернии и некоторых других районов; 2) земли оренбургских и уральских казаков и этносословных групп башкир и татар-мишарей (мещеряков) – эти территории выполняли роль российского форпоста на пути продвижения в Среднюю Азию; 3) земли казахов (в тогдашней терминологии – киргизов) и местности Западного Туркестана, находившиеся в военном управлении генерал-губернатора. Из этого следует, что государственное управление обширным генерал-губернаторством неизбежно носило «военизированный» характер. Ликвидация Оренбургского генерал-губернаторства в 1874 г. и было вызвано военными успехами и укреплением позиций империи в Средней Азии, что лишило Оренбургский край значения форпоста на степных границах империи.

Обратимся к основным источникам и исследованиям по теме. Ценным источником сведений о деятельности оренбургских генерал-губернаторов и губернаторов являются «Записки» И.В. Чернова (1825–1902), который с 1839 по 1874 гг. занимал различные военные и гражданские должности в генерал-губернаторстве, а в своей книге выступил не только как мемуарист, но и как исследователь истории Оренбургского края в лицах его администраторов. В частности, И. Чернов детально описал действия генерал-губернаторов по городскому благоустройству и развитию системы образования, в области управления оренбургским и уральским казачеством и Башкирско-мещеряцким войском, а также военные и дипломатические меры по установлению контроля над Средней Азией¹. Из «Записок» следует, что начальники Оренбургского края руководили освоением и развитием этих окраинных территорий России, контролировали казачьи и башкирские войска, подчиняли казахское население степи и вели соперничество с Хивинским ханством за влияние на казахов.

Популярный характер имеет книга Владимира и Веры Семеновых о губернаторах Оренбургского края, в которой в формате биографических статей о губернаторах и генерал-губернаторах изложены исторические события и охарактеризована деятельность администраторов края, в частности А. Безака, даже с обзором предпринятых им мер в

¹ См.: Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбург, 1907.

должности киевского генерал-губернатора¹.

В первом томе коллективной работы «История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века» рассмотрена управленческая деятельность А. Безака в период «Великих реформ» Александра II и продолжение ее следующим генерал-губернатором – Н. Крыжановским², а отдельное внимание уделено ликвидации Башкиро-мещеряцкого войска, проведенной А. Безаком³. В четвертом томе коллективного труда «История башкирского народа» изложены, в частности, проекты реформ Башкирско-мещеряцкого войска в первой половине XIX в. и ликвидация войска⁴.

Различные вопросы государственного управления Башкирским краем проанализированы в монографии Анвара Асфандиярова, в частности, меры местной администрации по хозяйственному развитию края – перепланировке башкирских аулов и распространению хлебопашества среди башкир⁵.

Вопросы государственного управления башкирскими землями и башкирским населением освещены в монографии американского исследователя Чарльза Стейнведела⁶. В частности, автор прослеживает предысторию ликвидации и саму ликвидацию Башкиро-мещеряцкого войска, меры властей по внедрению земледелия среди башкир и благоустройству башкирских аулов, проведение в Уфимской губернии «Великих реформ» Александра II⁷.

Итак, определяющим отличием между западными губерниями и Волго-Уральским регионом было отсутствие в Оренбургском крае этнических сообществ, воспринимаемых государственной властью как «враждебных», подобно полякам и евреям в западных губерниях. Русские казаки после подавления Пугачевского восстания 1773–1774 гг. стали лояльными к властям. Если в XVIII в. произошло несколько башкирских восстаний, то после Пугачевского восстания и введения кантонной системы не вспыхнуло ни одного башкирского восстания. Однако администраторам западных губерний, в отличие от начальников Оренбургского края, не приходилось координировать военные действия, находясь в своей должности, за исключением периода Ноябрьского восстания, распространившегося и на Волынь.

Подводя итоги, подчеркнем: если генерал-губернаторы западных губерний, в т. ч. на Правобережной Украине, осуществляли политику «этнобонапартизма», то оренбургские и самарские генерал-губернаторы проводили и хозяйственное освоение Урало-Поволжья, и политику контроля над казаками и башкирами, и военно-дипломатическую деятельность в Средней Азии. Собственно, задачи генерал-губернаторов двух регионов роднило выполнение роли «этноадминистраторов» – проводников национальной политики, деятельность которых заключалась в обеспечении контроля над окраинными территориями нерусскими народами.

Успешность же А. Безака, как «этноадминистратора», в Оренбургском и Самарском генерал-губернаторстве в период «Великих реформ» и его опыт командования военными соединениями, вероятно, стали основаниями для перевода в другой

¹ См.: Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.

² История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX в.: В 2 т. Уфа, 2006. Т. 1. С. 101–103.

³ Там же. С. 41–43.

⁴ Рахимов Р.Н. Башкирское войско. Проекты его реформ // История башкирского народа: В 7 т. СПб., 2011. Т. 4. С. 52–59; Давлетбаев Б.С. Отмена кантонной системы. Законодательство о башкирах // Там же. С. 241–248.

⁵ Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 211–222.

⁶ См.: Steinwedel Ch. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Bloomington–Indianapolis, 2016.

⁷ Ibid. P. 93–114, 117–132.

полиэтнический регион. Этот вывод позволяет дополнить тезис К. Мацузато: «этнобонапартизм» был частным случаем «этноадминистрирования», которое заключалось в проведении представителями центральных и местных властей политических мер по контролю над нерусским населением окраинных регионов Российской империи.

Источники и литература

1. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
2. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Авториз. перевод с фр. М. Крисань. М.: НЛЮ, 2011. 1 008 с.
3. Западные окраины Российской империи / Науч. ред.: М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
4. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбург, 1907. 224 с.
5. История башкирского народа: В 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. СПб.: Наука, 2011. Т. 4. 400 с.
6. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX в.: В 2 т. / Отв. ред.: И.М. Гвоздикова, М.И. Роднов. Уфа: Гилем, 2006. Т. 1. 240 с.
7. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: Центр исследований национализма и империй, 2004. С. 427–458.
8. Мацузато К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX в. // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 123–144.
9. Поліщук Ю.М. Національні меншини Правобережжя України у контексті етнічної політики Російської імперії (кінець XVIII – початок XX ст.). К.: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2012. 432 с.
10. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книж. изд-во, 1999. 400 с.
11. Шандра В.С. Генерал-губернаторства в Україні. К.: Інститут історії України, 2005. 428 с.
12. Щербак Н.О. Національне питання в політиці царизму у Правобережній Україні (кінець XVIII – початок XX століття). К.: ПЦ «Ризографіка», 2005. 616 с.
13. Steinwedel Ch. *Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917*. Bloomington–Indianapolis: Indiana University Press, 2016. 382 p.